

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2009

Письма

1

«Мастер Вариус.

Я никогда не думала, что когда-нибудь буду скучать за Кроббеном. Но мне не хватает тамошних мрачной осени и мертвой, холодной зимы. В краю, где царит вечное лето, нет ни гроз, ни снега. Я скучаю по бурям и шквалам, ведь здесь есть только бриз. Здесь только я. Осенью я обязательно навещу вас, и наш старый, грустный замок, и вашу башню, притягивающую беспорядок...»

...Тепла от растопленного очага не хватало, чтобы согреть просторную круглую комнату, занимающую целый ярус донжона Кроббенского замка. Тени плясали по стенам, блестящим от сырости, а в запертые ставни барабанил дождь. Сквозь единственное открытое узкое окно-бойницу не была видна бурая земля — только зеленые верхушки елей растущего у стен замка леса да луна, наполовину скрытая тучами. Все остальное терялось в дожде и ночи. Амелия подумала о том, каково сейчас человеку, оставшемуся без иного крова, кроме ветвей осенних деревьев, с которых уже облетела последняя листва. Думала о девушке, из-за которой они собрались.

За столом у очага разместился Орландо Суарсон — судья Анклава, напротив которого, непривычно напряженный и даже испуганный, сидел ректор Академии Кроббенского замка, мэтр Сильвер. Грозный в глазах учеников и строгий для подчиненных, ректор сейчас являл собой жалкое

зрелище — его седые волосы были взъерошены, большие карие глаза нервно бегали, а по впалым щекам медленно стекали капельки пота. Впрочем, близость с судьей Анклава могла вогнать в дрожь кого угодно.

Орландо... человек со зловещей репутацией, похожий на хищную птицу. Амелия не была знакома с судьей, но слышала много рассказов о его жестокости и фанатизме. Ее старый друг, мастер Вариус Стэнр говорил, что эти слухи преувеличены. Но теперь Вариус был мертв, Орландо казнил его на глазах у всех обитателей замка. К счастью, Амелия в это время была далеко — в своей башне на южном побережье, и ей не пришлось видеть его смерть.

Неделю спустя после казни, она получила короткий приказ из Анклава: явиться в Кроббенский замок.

Она ждала допросов и обвинений, но судья не выказывал враждебности. Выпрямив спину и расправив плечи, он сидел и внимательно читал какую-то книгу. Пронзительные серые глаза судьи не отрывались от текста, и, казалось, его не интересуют люди, собравшиеся по его приказу.

— Неужели тебе не холодно? — спросила Виолет.

Амелия оторвалась от созерцания дождя и посмотрела на свою собеседницу. Виолет была высокой и удивительно стройной для своего возраста женщиной. Ее худощавое лицо избороздили глубокие морщины, и лишь прекрасные фиалковые глаза, которым она была обязана своему имени, сохранили блеск и остроту.

— Я не замерзла, — Амелия отошла от открытого окна.

— Не терпится вернуться к теплему морю? — без тени улыбки спросила Виолет.

Амелия молча кивнула.

— Понимаю... — все так же серьезно протянула пожилая колдунья.
— Кроббен — дождливый и холодный край. Его тяжело любить и еще

сложнее понять. Может быть, именно поэтому его выбрали для Академии? Мало кому захочется вернуться сюда и еще меньше пожелает остаться.

— Ты осталась, — Амелия решила поддержать разговор.

— Моя родина еще холоднее. Сейчас, должно быть, там все завалено снегом и ветер такой сильный, что нельзя выйти из дому, — вздохнула Виолет. — Но все равно однокашники смотрели на меня как на прокаженную, когда я выбрала Кроббен...

Амелия вспомнила, что Виолет была родом с Синих Гор; в том суровом и диком краю не было законов, кроме кровной мести, а женщина считалась собственностью своего мужа. Впрочем, ученики прибывали в Академию со всех концов света. Дети богатых родителей, одаренные сироты и настойчивые, амбициозные выскочки. Все они находили свое место в мрачных залах старого замка.

— Почему ты выбрала Кроббен? — Амелии вовсе не хотелось говорить с высохшей, как щепка, мрачной старухой, но ей надоело молчание.

— Я хотела учить, — просто ответила Виолет.

— Уважаемые коллеги, — голос Орландо заставил женщин вздрогнуть, — благодарю вас, что вы отложили свои дела и изволили прибыть на нашу небольшую встречу. Присаживайтесь, пожалуйста.

Он коротким кивком приветствовал всех собравшихся и спрятал книгу в поясную сумку. Наконец, все заняли свои места за столом, взволнованно переглядываясь, как ученики перед важным экзаменом.

— Мастер Кембер не прибыл, — тихо заметил ректор Сильвер.

— Он больше не мастер, — напомнила Виолет.

— Боюсь, Кембер не прибывает, — без всякого сожаления в голосе заметил Орландо. — Утрата талантливого ученика пошатнула его и без того слабое здоровье. К тому же он не столь важен для нашего разговора.

Амелия нахмурилась, оглядывая присутствующих и раздумывая над тем, кого собрал для разговора судья Орландо. Ее, Амелию Бриз, давнюю подругу мастера Вариуса, старшую наставницу Виолет, которая много раз имела дело со сбежавшей ученицей Вариуса, ректора Академии, в обязанности которого входил контроль всех обитателей замка...

Судья обвел присутствующих серьезным взглядом, откашлялся и заговорил ровным, ничего не выражающим голосом:

— Как вы все, без сомнения, знаете, три недели назад в башне, принадлежащей мастеру Вариусу Стэнру, произошло убийство. Труп аколита Мартина Зайберенга был обнаружен спустя четыре часа после его смерти. По признанию мастера Вариуса — убийца, его ученица Иза, действовала по его личному приказу...

Орландо взялся рассказывать о происшедшем, подробно останавливаясь на малейших деталях. Рассказ предстоял долгий и неприятный. Амелия ознакомилась со всеми материалами следствия, пока добиралась до замка. Колдунья откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

Она не слушала, она вспоминала...

2

«Амелия Бриз.

Я был удивлен, когда получил ваше письмо. Признаюсь, я не ожидал, что вы сдержите обещание написать мне. Не могу сказать, что был идеальным собеседником во время нашей последней встречи и прошу у вас прощения за это. Я надеюсь, вы отложите свое посещение Кроббена хотя бы до лета. Осень здесь совершенно невыносима...»

...Больше трех сотен лет назад на руинах некогда обширной и процветающей Империи подобно могильным червям копошились десятки карликовых государств с их королями-воинами, королями-ворами и нищими королями. Тогда еще не было Анклава, и любой, кто мог собрать отчаянную дружину, огнем и мечом утверждал за собой право властвовать. Благородная кровь и родство перестали иметь значение, когда короноваться начали по праву силы, а не рождения.

В те времена не было городов — только окруженные рвами и стенами крепости. Не стало магистратов — всем правили полководцы. Не осталось крестьян — только ополченцы.

Кроббенский замок памятником смутных времен стоял на высокой скале, о которую разбивались волны холодного северного моря. За его долгую историю замок штурмовали и разрушали не менее десяти раз, и столько же раз восстанавливали. Когда-то давно он был деревянным фортом для наблюдения за побережьем. Со временем этот форт превратился в чудовищное нагромождение стен, полуразрушенных зданий и заброшенных наблюдательных и оборонительных башен, где вместо дозорных теперь гнездились только воронье.

Несмотря на усилия его обитателей поддерживать порядок, замок казался заброшенным и безлюдным. Он жил своей жизнью, в которой обитающие в его каменных чертогах люди ничем не отличались от ворон и крыс. Печальный и мрачный, потому что потерял свое предназначение, он больше ничего не защищал, и никто не стремился захватить его.

Лес, который никто не вырубал вот уже полвека, подобрался к обветшавшим старым стенам, по которым больше не прохаживались часовые. Во внутреннем дворе не звучал звон оружия и крики упражняющихся воинов. Арсеналы опустели, а место мечей, копий и доспехов в них заняли столы и стеллажи с книгами. В темницах не стонали несчастные узники, и только крысы сновали по сгнившим и

поржавевшим орудиям пыток, когда-то не просыхавшим от крови, пота и страха истязаемых пленников.

...Девушка глубоко, с наслаждением вдохнула морской воздух. Пусть холодный и неприятный, он напоминал о доме. Впрочем, кроме соленого аромата, здесь не было больше ничего общего с теплым южным побережьем. Северное море было холодным, беспокойным и злым. Но она все равно любила смотреть на него.

Звук приближающихся шагов оторвал ученицу от созерцания бушующей стихии. Она обернулась и увидела, что по замковой стене неторопливо шел мужчина. Внезапный порыв ветра взметнул его длинный синий плащ и начал перебирать страницы раскрытой книги, которую мужчина держал в руках. Заметив Амелию, незнакомец улыбнулся, придержал лист пальцем и прочел наугад:

*«Безвременно, без страха в море слёз
Навечно окунаюсь, в бурю с ветром,
Чтоб он останки мелкие разнес,
Как будто не было меня на свете.
Я утону, я растворюсь как соль
До горечи и жгучего безмолвья...
И тихою, спокойною рекой,
Вернусь обратно в колыбели моря...»*

Амелия узнала мужчину, хотя до этого видела его лишь однажды.

— Мастер Вариус Стэнр? — она решилась проверить свою догадку.

Он кивнул. Мастер Вариус был немолодым, но стройным и энергичным мужчиной. Веселые, живые голубые глаза окружала сеть тонких морщин, какие появляются у улыбчивых людей. Кожа на лице

была красной и обветренной, а подбородок скрывала короткая черная борода, в которой серебрилась редкая седина.

— Вы одна из учениц? — спросил он.

— Меня зовут Амелия, — она поправилась, — Амелия Бриз.

— Бриз... — задумчиво протянул Вариус, глядя на волны, разбивающиеся о скалу. — Вы любите море?

— Я родом с южного побережья, а море там совсем другое.

— Здесь нет бриза, — сказал Вариус, — только бури и шквалы, да еще зимние ураганы.

— Я знаю, — кивнула Амелия. — Я учусь в Кроббенском замке последний год.

— Последний год? — в голубых глазах Вариуса мелькнуло разочарование. — Значит, я отсутствовал слишком долго.

— Я помню, как вас представляли вместе с другими учителями, в день, когда я прибыла в замок, — напомнила ему Амелия. — Потом вы уехали...

— Меня выслали на следующий день, — резко ответил Вариус, — кое-кому не понравились мои... методы преподавания.

Амелию испугала резкая смена его настроения, и девушка поспешно отступила на шаг назад. Судя по тому, какое презрение отразилось в его холодных голубых глазах, мужчина по-своему понял ее испуг.

— Меня все же решили вернуть, — в его голосе не было прежнего тепла. — Хотя и забыли принести извинения.

Девушка покраснела и опустила глаза.

Вариус вежливо поклонился и, взмахнув синим плащом, прошел мимо застывшей Амелии. Забытая им книга лежала в бойнице. Первые капли редкого дождя разбились о черный переплет.

— Ваша книга...

— Больше не моя, — не оборачиваясь, сказал Вариус. — Теперь она твоя.

Девушка взяла увесистый том и смахнула с него влагу. Она заметила закладку и осторожно открыла книгу — на странице со стихом про море лежал раздавленный, засохший синий цветок, чудом не потревоженный водой и ветром.

3

«Госпожа Амелия Бриз.

Вам пишет Роберто, ученик мастера Вария. Я пишу вам по его просьбе. Он сидит сейчас рядом и диктует мне письмо. Во время нашего последнего эксперимента мастер Варий сильно обжег себе руки и еще долго не сможет удерживать перо. Он говорит, что это совсем не больно, но я не верю. Я чувствую себя виноватым, потому мастер пострадал, подхватив готовый опрокинуться на меня раскаленный котелок.

Дальше я буду писать от его имени.

„Амелия Бриз, мне жаль, что я так долго не отвечал на твое последнее письмо...“»

— Таковы вкратце обстоятельства этого неприятного дела, — судья Орландо закончил свой рассказ.

Собравшиеся за столом люди молчали.

— Поскольку аколит Иза действовала по прямому приказу своего мастера, — продолжил судья, — я считаю, что с нее следует снять подозрение в преднамеренном убийстве и изменить формулировку обвинения. Но для начала ученицу Изу необходимо найти...

Амелия почувствовала, как холодный, липкий страх разливается по ее телу. «Необходимо найти», — вот два слова, ради которых судья Орландо собрал их. Она не сомневалась, что Вариус солгал, принимая на себя вину за смерть Мартина Зайберенга. Соврал, чтобы дать возможность своей ученице уйти, не попасть в цепкие руки Трибунала. Амелия знала немного о последних экспериментах своего старого друга, но то, что ей было известно, не оставляло сомнений: Анклав интересовало запрещенное колдовство, а не убийство одного из учеников.

— Я хотела бы задать вопрос, не относящийся к делу, — попросила Амелия.

— Слушаю вас, — благосклонно улыбнулся судья.

— Судья Орландо, когда вы прибыли в Кроббен?

Мужчина на мгновение смутился.

— Настолько быстро, насколько смог, — уклончиво ответил он. — Я прибыл спустя три дня после убийства.

Три дня... Можно ли добраться с восточного побережья до Кроббена за три дня? Даже при попутном ветре такое возможно лишь при условии, что письмо, извещающее об убийстве, волшебным образом перенеслось из кабинета ректора Академии в руки Орландо. Анклав был собранием волшебников, но даже они не могли мгновенно перемещать предметы сквозь время и пространство или обмениваться мыслями на огромном расстоянии.

А значит... Орландо выехал раньше, чем произошло убийство Мартина.

«Вариус, старый друг, что же ты натворил?»

Прежде чем она смогла задать следующий вопрос, вмешалась старшая наставница:

— Вы предлагаете начать поиски девушки? — в голосе Виолет слышалось недовольство. — Чтобы вернуть ее в Академию?

— Вопрос о возвращении решаете вы и господин ректор, — судья склонил голову в сторону Сильвера.

Ректор молчал, будто набрав в рот воды, и сосредоточенно наблюдал за бликами огня из очага, пляшущими на полированной поверхности стола.

— Для начала я предлагаю ее просто найти, — развел руками Орландо.

— Нет! — выкрикнула Амелия, чем немедленно привлекла всеобщее внимание.

Чувствуя на себе настороженные взгляды, она привычно растерялась и крепко сцепила руки, которые начали предательски дрожать.

— Вариус солгал, — отрезала Амелия. — Мы все прекрасно знаем, что он намеренно оговорил себя.

Глаза Орландо — стальные, блестящие от сдерживаемого гнева — вонзились в нее, как острия кинжалов.

— Какой мотив может быть у его ученицы, кроме личного приказа? Амелия истерично засмеялась, призвав на помощь всю свою отвагу.

— Ревность или обида, — небрежно сказала она. — Иза — некрасивая, замкнутая девочка. Ее сильно уязвило, что такой видный молодой человек как Мартин воспользовался ею только для того, чтобы подобраться к мастеру Вариусу.

— Мне кажется, Амелия права, — кивнула Виолет, — любая женщина пришла бы в бешенство на месте Изы.

— Она зарубила несчастного юношу тесаком, — напомнил Орландо.

— Я родом из маленькой деревни в Синих Горах, — нахмурившись, произнесла старшая наставница. — В наших краях и меньшее оскорбление становится причиной для кровной мести.

— Не стоит оправдывать девчонку, — ледяным голосом процедила Амелия, — мы не в Синих Горах. Здесь нет кланов и кровной мести.

— Я считаю, что несправедливо обвинять во всем ребенка... — начал ректор.

— Ей шестнадцать лет, — прервала его Амелия, — она способна нести ответственность за собственные поступки.

Смущенный столь пламенной тирадой, Сильвер смутился и замолчал. Преподаватели Академии не отважились бросать вызов ректору, которому обязаны были подчиняться, но Амелия не была «узницей» Кроббена. Она принадлежала только своей башне у теплого морского берега и воле Анклава, которую представлял здесь не ректор, а судья Орландо.

— Меньше чем через год Иза стала бы выпускницей Академии и членом Анклава, — задумчиво произнесла Виолет. — Мы не ждем, что все наши выпускники немедленно превратятся в умудренных жизнью опытных колдунов, но это уже не дети. Я не чувствовал себя ребенком, получая свой плащ, да и Амелия тоже...

Амелия благодарно кивнула. Впервые в жизни она была рада обществу сухой старухи, которая воспитывала уже четвертое поколение учеников Академии. Но наставница ошибалась. В тот день, когда она покинула Кроббен — Амелия не чувствовала подготовленной к взрослой жизни. И вряд ли кто-то из выпускников Академии чувствовал себя иначе. Они научились быть взрослыми намного позже того дня, когда заслужили свои яркие плащи.

Колдунья Амелия Бриз глубоко вздохнула, пытаясь успокоить забившееся от страха и напряжения сердце. Она никогда не была отважной, и это уже давно было не сердце ребенка...

Я рада, что у мастера Вариуса есть ученик, которому он может доверить свои тайны. Продолжай слушаться его во всем. Пожалуйста, передай это письмо мастеру Вариусу, потому что оно предназначено только ему...»

— А еще ходят слухи, что его отправили в ссылку за близость с ученицей...

Амелия уже успела пожалеть о том, что рассказала своей подруге о встрече с мастером Вариусом. Рыжеволосая Кэт уже получила свой красный плащ, но говорить и думать могла только о мужчинах.

— Глупости, ведь он уже почти старик, — Амелия вспомнила грубое лицо мастера Вариуса, его короткую бороду и смеющиеся синие глаза. — Но глаза у него и вправду красивые...

Катрин хихикнула.

— Ты сама говорила, что Вариус редко покидает свою башню, — рассудительно напомнила Амелия.

Ее рыжеволосая собеседница пожала плечами.

— Четырех лет в ссылке кому угодно хватит.

День выдался пасмурным и дождливым. Амелия куталась в новый, непривычный розово-золотой плащ, но холод и сырость проникали под любую одежду. Она подняла голову к стальному небу и задумалась над тем, можно ли найти более удачное место для ссылки, чем Кроббен. Заснеженные острова в северных морях? Синие горы?..

— Мне бояться нечего, — медленно проговорила девушка, — я ведь больше не ученица.

— Колдунья Амелия Бриз, — давась смехом, поддразнила подруга.

Это звучало непривычно, но красиво. Амелия улыбнулась и взъерошила рыжие кудри Катрин.

— Пока вы не покинули замок, вы остаетесь нашими ученицами.

Девушки вздрогнули и обернулись. Старшая наставница Виолет стояла у ступеней в столовую, скрестив руки на груди. Ее лицо, как всегда, было серьезным и мрачным. Амелия виновато покраснела. Виолет сжала губы в холодной улыбке, провожая девушек взглядом.

— Старуха все слышала! — прошипела Кэт, едва они завернули за угол столовой.

— Даже если и так, что с того? — Амелия посерьезнела. — Завтра нас здесь не будет.

— Завтра нас здесь не будет? Ага, поняла... — понимающе протянула рыжая Катрин. — Ты всегда была смелой до безрассудства. Ну, удачи.

Она натянуто рассмеялась и убежала, оставив Амелию на дороге, ведущей к сторожевой башне. Девушку разозлило, что Кэт подумала какую-то глупость, и еще сильнее из-за того, что при этом назвала ее храброй.

«Я просто пришла отдать Вариусу книгу, — напомнила она себе».

Амелия вспомнила его смеющиеся глаза в их первую встречу на стене замка, и то, как они похолодели, когда он неправильно понял причину ее испуга. Она всегда была пугливой. Братья смеялись над ней, называя «мышью», а Амелия в ответ только плакала и убегала прятаться на чердак, среди старого хлама, где было полно настоящих мышей, которых она никогда не боялась. Мыши не умеют кричать, сквернословить и они не знают ее имени. Все, что они умеют — пищать, кусаться и убегать, чтобы спрятаться.

Девушка прогнала неприятные воспоминания и постучала в дверь башни.

«Я не мышь, — напомнила себе Амелия. — Я выпускница Академии и полноправная адептка Анклава».

Дверь немедленно распахнулась, и в лицо Амелии ударил сухой, затхлый пыльный воздух. Она ожидала чего угодно, но не этого. Молодая колдунья зажмурилась и закашлялась, прикрывая рукавом лицо. Открыв глаза, она увидела Вариуса. Мастер был в переднике, нижнюю половину его лица прикрывала широкая белая повязка, из-под которой торчала жесткая, отросшая борода. В левой руке маг держал полный совок мусора.

— А... это ты, — сказал он вместо приветствия. — Отойди и не мешай.

Амелия попятилась, и Вариус вышвырнул мусор прямо на улицу.

— Мой предшественник оставил мне не только свои инструменты, — его звонкий голос приглушала плотная повязка. — Впрочем, мне трудно его винить. Башня сама притягивает беспорядок. Проходи...

Девушка переступила порог и с интересом огляделась. Первый этаж башни был заставлен шкапами. Сейчас они были отодвинуты от стен и пусты. Выложенный плиткой пол блестел чистотой. Высокий, худой молодой человек тщательно вычищал от пыли один из фолиантов, извлеченных из шкафа. Рядом с ним была аккуратно сложена целая пирамида из книг. Услышав голос Вариуса, он бросил свое занятие и с удивлением уставился на гостью.

Амелия знала, что Вариус взял ученика. Юноша, помогающий своему мастеру с уборкой, был в таком же запыленном переднике и маске, но из вежливости он открыл лицо. У него была смуглая кожа южанина, неровно подстриженные черные волосы и карие глаза. Он был молод и красив, но в его глазах не было яркого голубого пламени, освещающего лицо Вариуса.

— Роберто, займись гостьей. Я скоро вернусь, — приказал Вариус, на ходу снимая передник.

— Да, мастер Варий, — сказал он, сказав имя мастера на южный манер.

Голос мальчика еще ломался и говорил он с заметным акцентом.

Роберто сорвал чехол с большого синего кресла и жестом пригласил Амелию присаживаться. Кресло оказалось удобным и мягким — предыдущий владелец башни явно был равнодушен к комфорту.

Ученик был лет на пять младше Амелии. Она попыталась вспомнить, что испытывала в его возрасте, глядя на недавних выпускников Академии. Восторг, уважение, зависть?.. Выпускники казались ей мудрыми, сильными и взрослыми. Но сейчас, сама облачившись в длинный плащ полноправной колдуньи, Амелия не чувствовала себя повзрослевшей. Она оставалась тем же ребенком, который пять лет назад сошел с корабля на бурые, негостеприимные берега Кроббена.

— Значит, ты новый ученик мастера Вариуса, — Амелия попыталась говорить приветливо. — Роберто?

— Да, госпожа колдунья, — мальчик сильно покраснел и начал нервно тереть свой фартук.

Амелия с удивлением поняла, что впервые говорит с человеком еще более стеснительным, чем она сама.

— Меня зовут Амелия, — она ободряюще улыбнулась. — Как тебе нравится учиться у мастера Вариуса?

— Очень, — буркнул Роберто.

— Очень? — рассмеялся Вариус, спускающийся по лестнице со второго этажа. — Такого мне еще не доводилось слышать.

Он уже успел сменить простую одежду и набросить на плечи свой синий плащ.

— Сними этот нелепый фартук и приготовь чаю для меня и госпожи Амелии.

Юноша покраснел еще сильнее и ринулся исполнять приказание.

Амелия обратила внимание, что Вариус держал руки за спиной и что-то там прятал. Заметив ее недоумение, он положил на стоящий у кресла столик футляр для очков.

«Он стесняется своей слабости, — внезапно поняла девушка. — Нет... не стесняется. Это страх. Он боится старости и немощи?»

— Розовый плащ, — Вариус окинул свою гостью оценивающим взглядом. — Значит, вас можно поздравить... колдунья Амелия Бриз.

— Благодарю вас. Вас тоже можно поздравить с новым назначением?

— Если это так можно назвать, — фыркнул Вариус. — Не без помощи влиятельных друзей мне удалось убедить Трибунал закрыть глаза на мои старые грешки.

Амелия приоткрыла рот от удивления. Обвинение в запрещенном колдовстве, которое призван был расследовать зловещий и таинственный Трибунал, было самым страшным, с чем мог столкнуться адепт Анклава. Ученики шепотом рассказывали друг другу страшные истории о магах, нарушивших строгие правила Союза Колдунов. В старой Империи не существовало преступления страшнее, и наказание за него было лишь одно — смерть.

— Вам нездоровится, Амелия? — участливо спросил Вариус. — Вы побледнели.

— Вас обвинили в запрещенном колдовстве? — ее любопытство оказалось сильнее, чем страх.

— Не обвинили, только подозревали, — поправил мастер. — А вы, значит, слышали, будто меня выслали из замка за связь со своей ученицей?

Амелия покраснела и кивнула.

— Она сама распустила эти слухи, — улыбнулся Вариус. — Чтобы скрыть правду о том, что я был отправлен в ссылку именно по ее доносу.

— Мне очень жаль, — выпалила Амелия, перед тем как поняла, как глупо и фальшиво это прозвучало.

Вариус поморщился.

— Все это в прошлом. Теперь члены Анклава готовы терпеть меня. Впрочем, старики, правящие нами, будут терпеть кого угодно до тех пор, пока тот кормит их обещаниями вечной жизни.

— Вы ищете эликсир омоложения?

Вспомнив, как он прятал очки, Амелия подумала, что и сам Вариус не чужд грезам о «философском камне».

— Нет... — он покачал головой. — Точнее, это только одна из моих целей.

Это было сказано без хвастовства и гордости.

— Хотите прославиться первооткрывателем? — вежливо предположила молодая колдунья.

— Вообще-то, меня привлекают древние тайны, — усмехнулся мастер.

Неловкий разговор прервал вернувшийся ученик. Роберто осторожно расставил перед адептами Анклава тонкую фарфоровую посуду и наполнил ее горячим напитком. У него был не знакомый Амелии аромат и терпкий, почти неприятный вкус.

— Я привез с собой несколько мешков этого зелья, — увидев ее замешательство, пояснил Вариус. — Это — настоящий чай. Люди, впервые придумавшие пить его, считали чай лекарством. У лекарств всегда неприятный вкус.

Амелия не стала спрашивать, зачем Вариусу понадобилось потчевать гостей лекарством, и вежливо сделала еще один глоток.

— Каким будет ваше первое назначение? — поинтересовался мастер.

— Завтра я еду на южное побережье.

— Домой?

— Нет, по направлению Анклава.

Вариус вежливо улыбнулся, но Амелия заметила, как его веселые голубые глаза на мгновение погрустнели.

— Что ж, вы это заслужили. Немного тепла и легкого морского бриза после здешней сырости и вечного холода. Чем я обязан вашему прощальному визиту?

— Я пришла отдать книгу...

Амелия показала ему знакомый черный том.

— Она мне не нужна, — раздраженно бросил Вариус.

— Зачем вы... — Амелия покраснела еще сильнее Роберто. — Зачем вы отдали ее мне?

— Без причины, — пожал плечами Вариус.

— Эти стихи...

— О, вы читали? Хорошо.

— Кто их написал?

— Какое это имеет значение?

— Там нет имени автора, и книга написана от руки. Поэтому я подумала, что их написали...

— Я? — улыбнулся Вариус.

Взгляд мужчины стал задумчивым и отсутствующим.

— Когда я сошел с корабля, у меня в руках была только эта книга. Книга стихов о море. Когда мы встретились с вами на стене замка, мне показалось, что вы очарованы морем.

Амелия посмотрела на черный переплет. Выделанная кожа потрескалась от морской влаги и сырости.

— Подарить книгу о море девушке с морским именем. Мне показалось это добрым предзнаменованием.

— Вы неправильно поняли меня...

Вариус удивленно приподнял густые брови.

— Тогда я испугалась не вашей дурной репутации.

— Значит, вы приятное исключение, — в голосе Вариуса послышалось странное уважение. — Но все же заберите книгу. Она мне больше не нужна.

Амелия поставила чашку на столик.

— Простите, что отвлекла вас от дел.

Мужчина медленно кивнул и поднялся, чтобы проводить ее. Теперь он вел себя как учтивый, внимательный хозяин, и Амелию напугала эта внезапная перемена.

— Я напишу вам, — повинувшись внезапному порыву, выпалила она.

— Простите?

— Я напишу вам письмо с южного побережья, когда прочту книгу.

Вариус посмотрел на молодую колдунью так, словно впервые увидел ее.

— Я буду ждать, — сказал он.

5

«Амелия Бриз.

Я прошу прощение за то, что не писал тебе так долго. После смерти Роберто мне нужно было уладить отношения с Анклавом. Я снова был близок к тому, чтобы предстать перед судом. Меня выручил отец моего покойного ученика — судья Орландо. Он очень рассудительный и справедливый человек. Боюсь, смерть его сына навсегда положила конец нашей прежней дружбе. Надеюсь, ты приедешь навестить меня этой осенью. Я хочу представить тебе мою новую ученицу. Иза странный и молчаливый ребенок, так непохожий на Роберто...»

Проведя здесь всего несколько дней, Орландо возненавидел Кроббен на всю оставшуюся жизнь. Он ненавидел его дожди и вечную грязь, ненавидел свинцовое небо и гнилой старый замок, в котором нашло пристанище древнее зло.

На родине судьи — восточном побережье старой Империи — небо было совсем другим. Не этой стальной тарелкой, затянутой рябью мутных туч, а бескрайним простором невероятной чистоты. В восточное небо хотелось взмыть белоснежной птицей, от него не хотелось отводить взгляд. На севере же небо значило лишь дождь, сырость и слякоть, от которой не терпелось укрыться, заползти в какую-то темную, теплую щель...

Орландо незаметно поежился. За толстыми стенами донжона вновь взвыл ветер, и брызги дождя ударили в открытое окно. Двое мужчин, женщина и одна хитрая, коварная дрянь.

Судья смотрел на противницу с восхищением, недоумевая, как он мог настолько сильно недооценить ее.

«Она готова свалить на девчонку убийство, потому что знает, что обычного убийцу мне не дадут преследовать, его только изгонят из Анклава».

— Мастер Вариус... — начал он.

— Вариус мертв! — голос чародейки зазвенел, и в нем послышались истеричные нотки. — Я не исключаю, что он мог пролить свет на обстоятельства этого дела, но наш судья поторопился с казнью.

— Амелия, успокойся, — ректор искренне удивился ее ярости, — ведь он сам сознался...

Орландо поморщился. Принимать помощь от жабы ему было неприятно, а Сильвер был жабой. Рыхлой, трусливой, ничтожной...

— Злосчастная девчонка стала ему дочерью, — лицо колдуньи стало пунцовым от ярости. — Дочерью, которой у него никогда не было. Конечно, он пытался защитить ее и взять вину на себя!

— В таком случае непонятно, почему ты перечишь воле своего умершего друга, сваливая вину на девочку, — возразила Виолет.

Старшая наставница была единственной в Кроббене, кто вызывал у Орландо уважение. Она была невероятно старой, но ее честные, преисполненные отваги глаза светились умом и многолетним опытом, пренебрегать которым было не только глупо, но и опасно. Едва увидев эту непреклонную горную орлицу, Орландо понял, что из нее может выйти прекрасный союзник или опасный враг.

..Судья, жаба, орлица и мышь. По крайней мере, так он думал до того, как мышь внезапно обернулась бешеной, ядовитой крысой.

— Из-за этой маленькой дряни был казнен мой друг, — шумно вытягивая в себя воздух, продолжила возмущаться Амелия.

Будь Орландо лет на двадцать моложе, его могла бы провести эта показная истерика. Но сейчас безошибочным чутьем опытного судьи он чувствовал крысиный страх.

— В разгар важного исследования меня отрывают от работы и вызывают в эту дыру, допрашивают и унижают. Одному всевышнему известно, как это отразится на моей репутации и карьере. А теперь господин судья предлагает вернуть мерзавку и простить ее?!

Последнюю фразу Амелия почти прокричала, приподнявшись со своего стула. Жаба по имени Сильвер смотрел на нее широко раскрытыми буркалами, а вот терпению Виолет, похоже, пришел конец:

— Амелия, успокойся! Немедленно! — коротко приказала она.

Крыса упала на свое место, как марионетка, у которой одним махом срезали все веревочки. Ее испуг и смущение не были показными.

«Вот что значит опыт, — с завистью подумал Орландо».

Однако день заканчивался, а он так и не осуществил задуманного. Анклав должен был начать поиски пропавшей ученицы и сделать это чем раньше, тем лучше. Судья раздраженно поморщился, вспомнив, сколько времени уже было потрачено впустую. Крыса добила главного — ей удалось отвлечь их. Виолет выглядела убежденной ее доводами, а жабе, похоже, не терпелось уползти отсюда.

Ну что ж, это можно устроить...

— Господин ректор, уважаемая старшая наставница, мне кажется, сегодня с нас достаточно обсуждений, — мягко проговорил он. — Я надеюсь, мы продолжим разговор завтра...

Виолет нахмурилась, а ректор благодарно утер пот и оперся широкими ладонями о стол, готовясь поднять свой толстый зад со стула. Орландо еще раз удивился, какое худое, даже изнеможенное лицо было у этого борова. Такая жуткая диспропорция не могла не притягивать взгляд.

Судья поднялся и вежливо поклонился своим гостям.

— Госпожа Амелия, — добавил он. — Я прошу вас задержаться.

Крыса сверкнула в его сторону своими маленькими, прищуренными глазками. Она могла изрядно усложнить дело, но у нее то ли не хватило наглости, то ли хватило здравого смысла не отказаться. Она лишь проводила глазами удаляющихся жабу и орлицу, после чего нагло уставилась на Орландо и улыбнулась.

Судья не без удовольствия отметил, что ее губы дрожали.

— Представление окончено, — проговорил Орландо, — ты не бесчувственная стерва, готовая удавить несчастную девчонку за то, что та якобы поставила пятно на твоей репутации. А я не одержимый фанатик, готовый преследовать ребенка, чтобы под пытками выведать у нее некие страшные тайны.

— К чему ты клонишь, Орландо?

— Тебе известно о том, что мастер Вариус ставил эксперименты над своей ученицей, — это был не вопрос.

— Девочка смертельно больна, — Амелия пожала плечами. — Он надеялся, что это продлит ей жизнь.

— Используя запрещенные заклятия?

— Разве вы обнаружили какие-то доказательства? — женщина приподняла бровь и слегка улыбнулась.

— У нас нет свидетельницы, — Орландо стиснул зубы.

— Чтобы начать поиск свидетельницы, тебе нужны доказательства, — хихикнула колдунья. — Замкнутый круг.

— Мне нужна Иза.

— Найди ее, — пожала плечами Амелия. — Ты опытный судья и следователь, без труда справишься с такой простой задачей.

Орландо проделал упражнение, которому его научили давным-давно. Он представил распускающийся цветок и мысленно предал его пламени, в которое вложил все свое раздражение, ненависть и злобу.

— Знаешь, Амелия, я устал сегодня от истории. Давай я лучше расскажу тебе сказку, — он искренне улыбнулся своей коварной собеседнице. — Когда-то давным-давно жили на свете два друга. Они вместе росли, вместе учились и ни деньги, ни слава, ни женщины не могли поколебать их дружбу. Оба добились значительного успеха. Один стал ученым, который хотел разгадать древние тайны. Другой — судьей, который хотел сделать мир лучше и чище.

— Лучше и чище? — усмехнулась крыса, показав мелкие острые зубки.

— Несмотря на то что жизнь разделила их, друзья не забывали друг друга.

Судья обзавелся семьей и стал частью мира, который он призван был защищать. Ученый, как и положено ученому, был одинок. Его

преследовали пересуды и сплетни, его обвиняли в нарушении законов и в связях с темными и недобрыми людьми. Судья не верил, он помогал своему другу и даже отдал своему другу в ученики единственного сына...

Лицо Орландо сделалось белым как мел. Он хрипло продолжил:

— И даже когда его сын погиб при загадочных обстоятельствах, он поверил своему другу, утверждавшему, что это был несчастный случай. Но подозрение не могло не закрасться в его душу. И вот спустя много лет после их последнего, неприятного разговора, судье доложили о том, что в башне Ученого снова погиб юноша.

Орландо прерывисто вздохнул и сел напротив колдуньи.

— Скажи, ты все еще считаешь судью слепым фанатиком?..

— Нет, — ответила женщина. — Но я не могу назвать этого человека судьей.

— Судья или нет, я намерен найти ученицу Вариуса, — в голосе Орландо зазвенела прежняя твердость и уверенность. — С твоей помощью или без нее. Если ты желаешь девочке добра, то поможешь мне. Она знает тебя и станет сотрудничать добровольно.

— А если она не пожелает сотрудничать?

— Я не фанатик, но и не святой, — скривился Орландо. — Я не позволю убийце разгуливать на свободе и не собираюсь из-за нее подвергать себя и своих людей опасности.

После этих слов в комнате повисло тягостное молчание. Лишь в очаге потрескивали догорающие поленья.

— У меня есть еще одно условие, — сказала Амелия, — Вариус Стенр должен быть похоронен со всеми почестями, подобающими члену Анклава.

— Хорошо, — кивнул Орландо. — Но не как условие, а в счет старых долгов и обязательств. Когда-то он был и моим другом.

«Она полагает, что может обмануть меня и добраться до девчонки первой, — глядя на лицо колдуньи, думал Орландо, — хорошо. Значит, она будет искать по-настоящему, изо всех сил. Я дам ей найти убийцу. Пусть расслабится, пусть потеряет бдительность. Я всегда буду рядом — наблюдать, выжидать, готовиться...»

6

«...Боюсь, это мое последнее письмо. Я никогда не был хорошим другом. Прости меня, Амелия Бриз. Девушка, очарованная морем»

...День похорон выдался неожиданно ясным. Ни тучки на небе. Двое безмолвных служащих вынесли во двор простой, сколоченный из некрашенных досок гроб, в котором лежало тело старого мага. Несмотря на то что Вариуса казнили за убийство, он продолжал быть членом Анклава, и после смерти к телу относились с уважением. Его омыли, причесали и одели в чистую одежду. Он лежал, словно спящий, укутанный в свой синий плащ, скрепленный на груди крупной серебряной брошью.

Немногочисленные друзья покойного пришли, чтобы проводить его в последний путь. Среди них были сверстники Вариуса, вместе с которыми он учился более полувека назад, четверо его учеников, их родители, простые служащие замка, проникшиеся симпатией к одинокому старику, всегда вежливому и спокойному. И всего одна женщина: немолодая, некрасивая, сжимающая в руках толстую книгу в потрескавшемся черном переплете.

Взявшись за гроб, они понесли Вариуса на кладбище.

Их путь не занял много времени. Перед тем как гроб опустили в заранее выкопанную могилу, Амелия подошла к нему, чтобы в последний раз взглянуть на старого друга. Лицо Вариуса было бледнее его бороды, а

шею, порезанную петлей нерадивого палача, скрывал пушистый цветной шарф. Легкий ветерок тревожил белую пышную бороду и длинные кустистые брови.

Женщина бережно прикоснулась к его холодному лбу.

— Ты всегда боялся смерти, — прошептала Амелия. — Теперь тебе нечего бояться. Ты сольешься с этой холодной землей, которую так любил. С корнями деревьев, стеблями трав, с весенними цветами. Ты станешь частью их, а они станут частью тебя. Потому что ничто не исчезает бесследно и ничего не умирает окончательно...

Она осторожно открыла книгу в черном переплете. Цветок по-прежнему лежал между страниц. Его некогда ярко-синие лепестки почернели и высохли, а стебель крошился от малейшего прикосновения. Вложив книгу в холодные, непослушные руки мертвого старика, Амелия отступила на шаг назад и смахнула слезы.

— Вот видишь, ты пережил свой страх.